МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник статей
XXVII Международной научной конференции

(26–28 октября 2016 г.)

Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор С.К. Гураль

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

15. Barsik the cat runs for mayor in Russian city of Barnaul after Vkontakte campaign // Daily Mail Online. [Электронный ресурс] URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-3355686/The-candidate-clean-paw-litics-Cat-runs-MAYOR-Russian-city-online-poll-hijacked-social-media.html.

О.В. Одегова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация. В качестве центральной в статье берется дилемма И. Валлерстайна (глобальная культура: миф или реальность), что apriori подразумевает полемику в разного рода дискурсах, ориентируя читателя на разрешение поставленной проблемы. Дискуссионный характер феномена глобальной культуры обусловлен породившей ее глобализацией, вызывающей не менее острые дебаты. В статье представлены позитивные и негативные оценки и глобализации, и глобальной культуры, что является результатом неадекватной интерпретации и терминологической путаницы. В связи с этим исследовательскими задачами данной работы становятся: выявление специфики названного феномена и аргументация становления глобальной культуры как позитивной тенденции изменяющегося мира.

Оглавления статьи идентично заявленной дилемме американского социолога, автора теории мир-системного анализа (world system approach) И. Валлерстайна, что apriori подразумевает полемику в разного рода дискурсах (философском, философкультурном, социологическом и социолингвистическом в т.ч.), ориентируя читателя на разрешение поставленной проблемы. Дискуссионный характер феномена глобальной культуры обусловлен породившей ее глобализацией, своего рода притчи во языцех вселенского масштаба. По причине того, что и глобализация, и глобальная культура как ее результат рассматриваются как в негативном, так и позитивном свете, нам предстоит выявить природу исследуемого феномена и, нивелируя негативные оценки, обосновать становление глобальной культуры как позитивной тенденции изменения сегодняшнего мира.

Итак, анализ показывает, что стимулируемые глобализацией транскультурные процессы приводят к новому пониманию культуры как *единой взаимосвязанной системы*. Отслеживание вектора к формированию единой или глобальной культуры вызывает полемику как в сфере обыденного сознания, так и в среде аналитиков культурного ландшафта. Такая ситуация возникает, прежде всего, в силу нерелевантной интерпретации и нечеткости разграничения терминологии. Так, семантический хаос вызывает синонимический ряд, казалось бы, близких, относящихся к концепту «культура», но требующих отдельной интерпретации, адъективных понятий: *мировая, общечеловеческая, всемирная, всеобщая* и, наконец, *глобальная*.

Традиционно понятие мировая культура восходит в литературе к осмыслению социально-исторического феномена совокупного культурного наследия, представляющего собой золотой фонд шедевров литературы, искусства, архитектуры, скульптуры, знаменитые «чудеса света» в т.ч. Все они вкупе составляют основу осознания глобального единства человечества, являясь базой приобщения к новым общедоступным цивилизационным достижениям.

И именно в эпоху глобализации, как верно отмечает А. С. Кармин, человечество обнаруживает, наряду с социальным и антропологическим единством, ещё и единство «культурное – поскольку во взаимообмене достижениями различных культур образуется единая общечеловеческая культура» [1. С. 56]. Формирование общечеловеческой культуры в рамках исследований евразийской парадигмы рассматривается как объективно обусловленная «творческая деятельность людей во всех сферах бытия, направленная на осмысление и преобразование действительности» [2. С. 101].

Ее правильное понимание, по оценкам отечественных философов (А. Ф. Зотова, В. Н. Толстых, А. Н. Чумакова, А. С. Кармина и др.), обусловливает эффективность всех аспектов международных отношений и разноплановых коммуникаций, основанных на признании универсальных общечеловеческих норм и ценностей. При этом под *универсализацией* следует понимать процесс «становления единых для всей планеты Земля структур, связей, отношений в различных сферах общественной жизни» [3. С. 31]; а под *универсальным* – то общее, что связывает культуры мира и является приемлемым для каждой из них с позиции целостности.

Думается, что в таком понимании понятие *общечеловеческая куль*тура близко к понятиям *всеобщая,* т.е. охватывающая все культурные сообщества. Однако с других позиций под «универсальной для всех народов» можно понимать культуру, способную заменить ее национальные соответствия, что соотносится, как правило, с западной культурой. Иначе говоря, речь идет о *вестернизации* в сфере культуры в общем смысле (и, в частности, в России, восходящей еще к петровской эпохе реформирования), под которой понимаются языковые заимствования, распространение ценностей и культурных элементов западного образа жизни в незападных странах. В современной литературе четко прослеживаются две полярные тенденции, трактующие это явление.

С одной стороны, западная культура рассматривается с позиций культурологического подхода, акцентирующего ее греко-римские истоки. Показательна в этом смысле позиция американского историка Т. Соуэлла, согласно которой европейская культура – не что иное, как меланж тщательно отобранных компонентов, заимствованных из разных культур. Образцами таковых являются языческие традиции, заимствованные у кельтских племен; цифровой ряд, пришедший из арабской культуры; монотеистическая религия, перенятая у восточных культур и т.д. [4. С. 342]. На основании этого можно предположить, что у западной культуры в первозданном виде своих ценностей как таковых не существует, поскольку в контексте процедуры культурного импортирования вряд ли их можно считать автохтонными, за исключением разве что «классических», воплощенных в лозунгах Французской революции и Декларации независимости. Логика рассуждений подводит к мысли о том, что культурный арсенал запада представляет собой гетерогенное собрание ценностей, артефактов разных культур, включая Запад, и, следовательно, западная культура составляет лишь часть всеобщей культуры.

Такое понимание, во-первых, позволяет провести параллель с английским языком, представляющим собой «гибрид», в основе своей имеющий также романские корни, что и обусловило переведение его в «глобальный» статус. Во-вторых, это позволяет поставить под сомнение тезис о тотальной, безапелляционной унификации остального мира и акцентировать с объективных позиций наличие процесса гибридизации или взаимообогащения в рамках всеобщей культуры.

С другой стороны, согласно противоположной точке зрения, западная культура в субъективистско-идеологическом ракурсе позиционируется как безальтернативно *универсальная* (в негативной коннотации этого термина), когда ее механизмом выступает *вестернизация.* По мнению апологетов этой позиции, основными критериями явления ветернизации, оказывающего пагубное влияние на остальной мир, выступают «техницизм» и «бездуховность» (по О. Шпенглеру). Такого рода дискуссия имеет уже столетнюю традицию, а в условиях глобализации приобретает иную коннотацию. В новом контексте она «превращается» в глобализацию и видится, например, по мнению В. Л. Иноземцева, управляемым процессом, представляющим «экспансию «западной» модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели» [5].

Подобные рассуждения не лишены идеологических мотивов, и трактовка «универсальной культуры» как гомогенного образования, сконструированного американизированной глобализацией, вывела бы логику рассуждения за рамки научного философского дискурса. В таком контексте семантически адекватным видится понятие «всемирная культура», отождествляемое обычно (наряду с понятием «всемирный язык») с идеологией господствующих в мире сил, что в эпоху биполярного мира считалось традиционным подходом. Очевидно, его отголоски находят сегодня отражение в отождествлении глобальной культуры с западно-американской, а глобализации с американизацией или вестернизацией.

В связи с этим представляется необходимым попутно обратить внимание на неадекватность тезиса «глобализация (а значит и ее порождение – глобальная культура) эквивалентна вестернизации». Его несостоятельность нивелируется появлением дискурса о полярном проявлении глобализации, именуемом *истернизация*. Эта тенденция получает обоснование и становится предметом изучения ориенталистов в рамках междисциплинарного подхода. Появление этого феномена предваряет угасание дебатов в научной среде о доминировании западной культуры и почему-то не вызывает озабоченности о влиянии востока на остальной мир. Напротив, исходя из известной максимы «восток духовен», в качестве основных критериев этого явления выдвигаются духовность и альтернативность. Превосходство восточной культуры по «духовным» параметрам, эммитерами которой выступают Индия, Япония и Китай, иллюстрируется рядом факторов. К ним можно отнести возрастающую популяризацию восточных языков в сфере образования и бизнеса, приоритетное место среди которых занимают китайский, японский, арабский, турецкий; проявление интереса к мировоззренческим установкам восточной философии; появление новых течений в стиле New age, область интереса которого концентрируется на изучении ментально-духовных представлений и поведенческих практик. К последним относятся карма, реинкарнация, боевые искусства, йога, тантризм и формы альтернативной медицины: акупунктура, акупрессура, аюрведа et.

Вышеизложенное позволяет подспудно констатировать смещение акцента парадигмы вестернизации в сторону бинарной оппозиции «вестернизация – истернизация» как проявления глобальной культуры и тем самым подчеркнуть многогранность феномена лингвокультурной глобализации, характеризующейся сочетанием устоявшихся и все зарождающихся новых тенденций. Такое обнаружение, в свою очередь, ставит под сомнение понимание культурной глобализации как «культурного фрахта с Запада», предложенного П.-Л. Бергером [6] и рассмотреть феномен «глобальной культуры» также с «нейтральных» философских позиций.

Для разрешения этой задачи возьмем в качестве отправной точки рассуждения тезис И. Валлерстайна: «Глобальная культура так же реальна и призрачна, как и любая так называемая местная культура» [7]. Логически встраиваемый сначала аспект «призрачности» глобальной культуры как единообразной для всех заключается в ее отрицании, по причине невозможности унификации всех наций и религий в духовной сфере. С позиции понимания культуры как тотальной унификации всех сфер жизни с набором общих ценностей сама идея существования такой культуры кажется призрачной. Концепция *такой* глобальной культуры при установлении эмпирического факта сосуществования множественности культур и с позиций всемирных учреждений (типа Всеобщей Декларации ООН по правам человека) и национальных правительств, которые декларируют единые для всего мира «духовные» нормы и истины кажется маловероятной. Мысли о *такой* глобальной культуре, предполагающей со-бытиё в гомогенно-культурных группах, действительно, кажутся абсурдными. Идеи достижения единства/интеграции в сфере духа (религиозного в т. ч) и конформизма к всеобщей усредненности по масскультовскому образцу уже означают, как справедливо отмечает отечественный философ К.З. Акопян, утопию и конец истории человечества [8. С. 47].

Однако с позиций «реальности» существования глобальной культуры, в чем можно согласиться с автором тезиса (Валлерстайном) об одновременной призрачности и реальности глобальной культуры, само по себе проповедование религиозных, секулярных или правовых глобальных норм поведения по сути уже может претендовать на существование глобальной культуры [7]. При этом под глобальными для всей ойкумены нормами понимаются связываемые с эпохой Просвещения незыблемые критерии свободы, индивидуализма, прав человека и равенства. Безусловно, существуют и другие аспекты феномена «реальной» глобальной культуры, рассматриваемой изначально в рамках западной парадигмы. Так, ведущий теоретик в этой области Р. Робертсон небезосновательно считает, что культура per se занимает центральное место в глобальном контексте и ее нужно рассматривать с точки зрения мира как единого целого [9. P. 15].

И если «глобальность» культуры в условиях ЛКГ рассматривать вслед за Кр. Дакером с позиций *мультикультурализма* и *мультиэтничности* (а не с точки зрения универсализации),

т.е. как «*субкультуру*, одновременно присутствующую во многих частях мира и охватывающую все нации и народы, живущие в различных национальных культурах и локальных идентичностях» [10], то в таком понимании глобальная культура выступает, безусловно, реальной рациональной сущностью.

Аспектами повсеместного присутствия такой «адекватной» глобальной культуры выступают иконы формирующегося глобального мира. Таковыми еще в первую декаду текущего этапа глобализации стали *Microsoft, Nike*, сериал «*Prison Break*» (Побег), кинозвезды *Paris Hilton, Tom Cruise*, футболист *David Beckham*, индийская киноиндустрия Болливуд (*Bollywood)* и пр. Сюда же следует отнести разного рода технологии (ИКТ / high tech), которые представляют технокультуру (*Techno Culture* – термин С. Джоржа), тождественную в обыденном сознании так называемой *Gadget Culture*.

Отличительными характеристиками вездесущей глобальной культуры выступают планетарная взаимосвязанность, осуществляемая посредством СМК, с любой точкой и персоналией мира; высокая мобильность передвижения, предполагающая встречу культур и развитие миссионерских проектов; молодость, ориентированная на продление социальной активности, а значит расширение персональной идентичности; изменчивость или «текучесть», подразумевающая «слабые связи» с огромным количеством людей за короткое время [10].

Теоретически присутствие глобальной культуры во многих локальных соответствиях тяготеет к концепции существования культурного «единства во множестве». Этот принцип находит воплощение (преимущественно в рамках западной социологической парадигмы) в концептуализации множественности понятий «культура»: *третьи культуры, протокультуры, метакультуры*, понимаемые как автохтонные транзиторные культурные образования, обнаруживающие себя за границами национальной культуры. Функционирование метакультур и соотносимых с ними метаязыков, наличие которых не вставится сегодня под сомнение, являются главным условием «продуктивного общения народов и прочности самого этого мира». «Не поглощая полностью и не вытесняя национальные и региональные цивилизации и культуры, не дублируя их полностью, метакультуры и метаязыки надстраиваются над ними, выступая в качестве своеобразного цивилизационно-культурного «общего знаменателя» [11].

Такими «метанадстройками» над национальными/этническими языками и культурами выступают, по оценкам исследователей, «всепроникающие» глобальная культура и ее репрезент, глобальный английский язык. Культура в таком контексте при всем ее многообразии, согласимся с английским социологом Э. Смитом, представляет собой *коллективный образ жизни и совокупность схожих представлений, стилей, символов и ценностей* [12]. В рамках такой объективно и реально существующей глобальной культуры происходит формирование *культурных универсалий* (т.е. общих черт культуры) в сферах образования, науки, моды, коммерции, туризма и т.д., количество которых неуклонно растет. Этот процесс представляет собой сближение универсальных по форме, но все-таки различных по содержанию культурных компонентов.

Однако принципиально важной гранью глобальной культуры является ее «техническая» сущность. Исходя из оценок ведущих в этой области экспертов, можно говорить, что квинтэссенцией глобальной культуры являются *коммуникационность, спонтанность, безментальность, рассеянность в пространстве и внеисторичност*ь. То есть по сути она представляет собой меланж различных компонентов, взятых отовсюду и из ниоткуда, движимый современными массовыми коммуникациями [12]. В таком понимании глобальная культура идентична транскультуре как символической сфере «рассеивания значений» и «непрерывной культурной среде», что акцентирует ее спонтанную, эфемерную природу [13].

Поэтому постижение комплексного характера глобальной культуры требует также обращения к ее конструкту – средствам массовой коммуникации (СМК), включающим не только сферу печатных и электронных СМИ или массмедиа (англ. mass media), но и транспортные средства, автоматическое оборудование, высокие технологии. Соотносимые с «третьей волной» (по Э. Тоффлеру) и «телекоммуникационной революцией» (ТКР – по Д. Бэллу), СМК, ко-

торые совершенствуются посредством разных ИКТ (компьютеризации, информатизации, миниатюризации и др.), образуют киберпространство, внедряя новационный образ жизни и создавая новое ощущение времени и пространства. Именно с коммуникациями и способами обработки информации связывается сегодня «ядро трансформации» всего глобального сообщества и формирование новой, имеющей информационную подоплеку глобальной культуры [14. С. 50].

В «электронную эпоху» (М. Маклюэн) СМК, таким образом, создают новую глобальную культуру, выступая ее неотъемлемым атрибутом. И именно по этой «технической» причине, как вновь верно говорит Э. Смит, «культура может быть либо континентальной, либо глобальной» [12]. Из этого следует, что содержанием глобальной культуры являются коммуникативные процессы, выполняющие двоякую функцию.

С одной стороны, они стирают культурные различия между взаимодействующими языками и культурами и создают «поистине глобальную культуру» (Д. Хорн), основанную на достоянии мультимедиа. С другой стороны, с позиций виртуальности они создают спонтанно возникающие взаимодействия языков и культур, осуществляемые посредством глобального английского языка. Это «виртуальное» свойство глобальной культуры проявляется в ее «немонолитности». Напротив, «она подобна плазме, в которой возникает, существует, взаимодействует и … гибнет множество виртуальных (и притом совершенно реальных) культурных образований» [15. С. 225].

Иначе говоря, в результате взаимообмена множества различных гибридных конфигураций, организованного по принципу метафорического «перегонного куба», происходит поверхностное реально-виртуальное взаимообогащение культур. Поэтому глобальная культура, в основе которой лежит основанная на принципе нементального кодирования концепция СМК, не может содержать духовной компоненты, нести ментальные сущности и культурные архетипы, в отличие от этнокультуры.

Приведенная аргументация, на наш взгляд, снимает бытующие в академической среде спорные вопросы не только касательно терминологической путаницы, но и проблемы «призрачности» глобальной культуры, а также ее отождествления с этнокультурой, а именно американской – в нашем контексте. Такое видение логически поводит к необходимости выведения, созвучной позиции автора, интерпретации феномена глобальной культуры, исследованного в работах ряда вышеупомянутых ученых.

Итак, под глобальной культурой предлагаем *понимать вненациональную или безментальную совокупность различных культурных компонентов, формирующуюся посредством СМК и общего lingua franca в русле спонтанных процессов глобализации, стимулирующих взаимодополнение глобальных и локальных языка и культуры.*

Таким образом, вышеизложенное позволяет констатировать, что становление глобальной культуры, наряду с глобальным языком, которые служат своего рода «клеем» сегодняшнего мирового сообщества, есть порождение лингвокультурной глобализации и главный признак социокультурной трансформации современного мира.

Литература

1. Кармин А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 52–60.
2. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилиза-ционный контекст. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2006. 515 с.
3. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд., перер. и доп. .: Проспект, 2011. 427 с.
4. Одом У. Западные ценности // Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: ОАО Изд. «Радуга», 2003. С. 324–345.
5. Иноземцев В.Л. Философия и общество. Вестернизация как глобализация и глобализация как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58–69.

6. Berger P. Four Faces of Global Culture //National Interest, 1997, Fall, Issue 49 [Электронный ресурс] URL: http://anthonywarnick.com/fms/week10/FOUR_FACES_OF_GLOBAL_CULTURE.pdf.
7. Валлерстайн И. Глобальная культура – спасение, угроза или миф? / Пер. с англ. К. Бородинского [Электронный ресурс] URL: http://www. politstudies.ru/universum/dossier/01/wall02.htm.
8. Акопян К.З. Пределы глобализации // Пределы глобализации (культура в контексте глобализационных процессов). Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». М.: Институт микроэкономики, 2002. Вып. 17. С. 47–68.
9. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. London: Sage publications Ltd, 1992. 203 p.
10. Ducker Ch. Mission and Changes in Global Culture // 2009 Jan. [Электронный ресурс] URL: http:// www.thedukers.org/media /mission%20and%20changes%20in%20global%20culturt.pdf.
11. Жидков В.С., Соколов К.Б. Социокультурный аспект глобализации // Объект исследования – искусство (по страницам «культурологических записок»). М.: Индрик, 2006. С. 31–70.
12. Smith A.D. Towards a Global Culture? // Global Culture / Ed. by M. Featherstone. London, 1994. Theory, Culture and Society, 1990. Vol. 7, No. 2. 171 p. [Электронный ресурс] URL: http://tcs.sagepub.com/content/7/2/171.short?rss=1&ssource=mfc.
13. Эпштейн М. От многокультурия к транскультуре // Глобалистика. Вестник РФО. 2003. № 3. С. 110–114.
14. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
15. Зотов А.Ф. Глобальная культура // Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков: Центр научных и прикладных программ / Диалог. М.: Радуга, 2003. С. 224–226.

Ю.А. Петрова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Анализируются эмоциональные концепты «любовь» и «ненависть» в разноструктурных языках. За основу взята попытка определить национально-культурную специфику языкового сознания. Выявлено, что, хотя народы русского и английского языков выражают свои индивидуально-специфические понятия о любви и ненависти, их чувства, отношения, переживания и эмоции идентичны.

На сегодняшний день к одной из главных проблем научной лингвистики относится толкование языковых и речевых факторов посредством концептуального анализа основных понятий, формирующих тем самым языковую картину мира. Важную роль в лингвистике, как показывает обзор научной литературы, занимает исследование особенностей репрезентации эмоций в различных языках и культурах. Лингвокультурологический подход к изучению эмоциональных переживаний в языке представляет значительную теоретическую и практическую ценность для всего гуманитарного знания, позволяет выявить особенности культурных предпочтений, а также в целом специфику устройства психического и внутреннего мира представителей определенной этнической общности, его менталитет [1].

Эмоции, как известно, являются психическими реакциями, которые раскрывают силу воздействия на человека внешних факторов, и вследствие чего считаются одним из основных элементов регуляции его деятельности. Таким образом, эмоции имеют свойство храниться, обобщаться и передаваться посредством языка, что, несомненно, позволяет рассматривать их в качестве предмета изучения лингвистики. Исследование этого предмета связано с многочисленными трудностями, поскольку эмоции по своей природе очень противоречивы и в области психологической науки сложно поддаются описанию: «всякий раз, как предпринимается попытка оседлать эмоции, вновь и вновь приходится удивляться тому, как трудно подвести их